

цу»; во время драки он «точно потерял человеческие слова и ревел, как взбесившийся зверь, ужасным вибрирующим голосом»; у него в момент напряжения «частое, фыркающее, как у лошади, дыхание». Столь же красноречива и характеристика капитана Осадчего: автор подчеркивает его «рыкающий бас», его ужасный «львиный крик», а «Ромашову всегда чудилось в его прекрасном сумрачном лице... что-то напряженное, сдержанное и жестокое, что-то присущее не человеку, а огромному, сильному зверю».

И даже Ромашов, чистый, нежный юноша, которому отданы в повести симпатии автора и который в конце концов погибает в столкновении с этим миром людей-зверей, даже он во время драки с Николаевым теряет человеческий облик: «С противным, звериным воем ринулся он на Николаева. Они рвали, комкали и тискали друг друга, рыча и задыхаясь». А после драки офицеры боятся прочесть в глазах друг друга свою собственную тоску и вину — «ужас и тоску маленьких, злых и грязных животных, темный разум которых вдруг осветился ярким человеческим сознанием». Недаром Куприн, рассказывая о днях страшного, безобразного, повального пьянства в полку, пишет: «И тогда спокойная, сытая, как у племенных быков, жизнь точно выбрасывалась из своего русла». Эта линия людей-животных, людей-зверей в характеристиках офицеров особенно ярка в тех общих оценках, которые устами Назанского дает автор «Поединка» всей касте военных: «А мы, надувшись, как индейские петухи, только хлопаем глазами и надменно болбочем: «Что? Где? Молчать! Бунт! Застрелю!» И вот этого-то индюшачьего презрения к свободе человеческого духа нам не простят во веки веков». Куприн не делает никаких исключений, говоря, что все, даже, казалось бы, вне армии неплохие люди, нежные отцы и внимательные мужья, офицеры «на службе делаются изменчивыми, трусливыми, злыми, глупыми зверюшками».

Однако изображение людей-животных — лишь одна линия в создании образов офицеров. Другая линия — неестественность, своеобразный нечеловеческий характер людей, невозможность существования у них обычных человеческих свойств. И здесь писатель отбирает из общенародного словаря слова иных тематических групп, использует синонимические лексические единицы. Вот председатель офицерского суда чести подполковник Мигунов: это «толстый, надменный человек», говорит он «деревянным тоном»; он «равнодушен», «точно каменный». Все эти детали-синонимы подчеркивают одну черту в образе Мигунова — его бесчувственность, бесчеловечность. Другие слова того же синонимического ряда взяты Куприным для характеристики полкового адъютанта Федоровского: «представительный молодой человек с холодными глазами», «адъютант с почтительным и бесстрастным видом отдал честь».

Неестественность, вычурность поведения свойственна и поручику Бобетинскому, который считает себя «пожившим и разочарованным человеком» и, подражая гвардейской золотой молодежи, скверно французит, коверкает слова, причем считает, что это получается у него очень тонко и изысканно: «друг мой», «вы меня эдивляете». Основной деталью здесь стала речевая характеристика. Чаще же Куприн фиксирует одну какую-либо черту внешнего облика человека: «У капитана Дювернуа глаза — как большие мутные шары» — это почти все, что о нем сказано в повести, но деталь очень метко выявляет сходство человека с вещью. У поручика Олизара ноги прямые и стройные, «точно ножки циркуля», а весь он какой-то вывернутый: «длинный, тонкий, прилизанный, напозаженный — молодой старик, с голым, но морщинистым, хлыщеватым лицом». Это «соединение несоединимого» — «молодой старик» с особой силой подчеркивает своеобразную антиестественность человеческого облика.

Линия нечеловечности людей продолжается и в образах жен и дочерей офицеров «Поединка». К молоденьким барышням Лыкачевым автор в общем-то относится с симпатией, вот только все они — «целый выводок»! — говорить не умеют, а картавят и как-то щебечут по-птичьи: «Звой, звой, звой! — Нехолосый, нехолосый, нехолосый! — Звой, звой!» Одна из